

Леонов

114
1984

29 мая 1984

ИЗВЕСТИЯ

ТРАДИЦИИ КЛАССИКИ

Поздравляем Героя Социалистического Труда, академика, писателя **Леонида ЛЕОНОВА** с 85-летием со дня рождения

УВЕРЕН: свое 85-летие он встретит так же, как встречал все прежние юбилейные рубежи. За письменным столом, над листом бумаги, плотно испещренным непроницаемой для всех, кроме самого автора, влзью строк, повсюду изранных вычерками и вставками. Потом эта страница будет переписана еще и еще раз, затем — и тоже не раз — перебелена на пишущей машинке. И так — до тех пор, пока у писателя не иссякнет желание улучшать, пока она не станет совсем чистой. Только после этого Леонов двинется дальше.

Так было с каждой его страницей. За все без малого семьдесят лет его писательской жизни. За эти годы пришла и навсегда осталась с ним слава. Почти каждая написанная им строка десятки раз была переведена — и у нас в стране, и за рубежом. Но ни на час не ослабевала в Леонове беспокойная, мучительная неудовлетворенность Мастера, убежденного, что писательство — это прежде всего труд. Изматывающий, напряженный, не допускающий ни покаяния, ни самоуспокоенности. И сейчас еще лампочка над его изголовьем не раз вспыхивает в ночи, пока рука вносит в блокнот скороспелую, которую, боюсь, не расшифрует ни один текстолог, новую фразу. Потом он еще долго будет вживлять ее в плотное, как кристалл, тело основного текста, пока она не вратится в него так, будто всегда была в нем...

Нет, мир никогда не сужался для Леонova до размеров лежащей перед ним страницы. Его писательский стол всегда был бастионом, выдвинутым далеко вперед, туда, где в титаническом бореии сталкивались главные ветры, мчавшиеся над планетой. Охваченный стремлением запечатлеть на страницах своих книг не просто облик времени, а обязательно возможно более целостный, полный его образ, он и сам жил не где-то обочь времени, а обязательно в самом его эпицентре. И поэтому шел вместе со

своей воинской частью через Перекоп и Сиваш, мерз и недоодал в Балахне, пристально вглядываясь в то, как рушилась вековая российская глухомань и из «тмы лесов, из топи блат» возникал первый советский бушмажный комбинат — прообраз известного сейчас каждому читающему человеку Сотыстроя. Вместе с Н. Тихоновым, В. Луговским и П. Павленко он первым из советских литераторов ощутил на себе сухой жар Каракумов. И создал образ стремительно меняющейся Средней Азии на страницах своей «Саранчи».

Яростно вкладывая в борьбу весь свой огромный талант и все свое огромное сердце патриота, день за днем, не зная передышки, он бил прицельным огнем слова по коричневому чудовищу, в победе над которым ощутил ма толика и его участия. А потом, во все послевоенное сорокалетие, был со своим народом там, где решались самые трудные проблемы, требовавшие от писателя не только таланта и знаний, а еще обязательно и солдатской честности.

Не раз уже было замечено: перечитывая все написанное Леоновым, как бы перелистываешь страницы самой истории. Все вместили его книги: и боль пролома, с которого началось наше движение, как любит формулировать сам Леонов, к «всечеловеческому счастью», и первые ответы, которые его поколение губами, спешившимися от внутреннего жара, торопилось дать на самые неотложные вопросы, оставшиеся нам в удел от великих предшественников наших — гуманистов и правдоискателей XIX века, и огневое похлывание первых пятилеток — во всем их величии и во всей, и посейчас еще разгадываемой нами, сложности, и долгий — как в космос — путь от Сталинграда до Берлина, и неусыпную нашу заботу о сохранении мира на земле, и многие из тех, небывалой сложности проблем, какие решали партия и страна уже в наши дни.

Какая величественная череда характеров, судеб, конфликтов, какая интенсивность философ-

ского значения исканий и открытий, какое беспримерное напряжение творческого духа, который никогда не ждал, чтобы настоящее хоть несколько отодвинулось в даль времени, откуда оно станет и виднее, и как бы безопаснее для рискнувшего запечатлеть его облик писателя. Величие писательского подвига Леонova в том-то и состоит, что глобальных масштабов обобщений и исчерпывающей завершенности образов он достигал на самой стремительной исторической волне, всегда писал пером, еще не успевшим остыть на успокоительном ветерике дистанции, с которой не так ощутимо жаркое дыхание тех дней и тех потрясений.

ПОДУМАТЬ только: как переменились и мир, и мы сами с тех пор, когда в шеренгу наших духовных спутников вошли герои самых первых романов и пьес Леонova. Но и сегодня мы вглядываемся в них, зная, что найдем там ответы на наши нынешние волнения и запросы. Только немногим из литературных сверстников Леонova была уготована такая высокая судьба. Рискну даже высказать предположение, что сегодня или тридцатые годы, когда вокруг них порой возникала полемика. Тогда ведь часто находились ревнители упрощенных прописей, которых раздражало стремление Леонova видеть жизнь обязательно во всей ее сложности, да к тому же еще брать материал современности в тесной, неразъемной увязке с нравственными вопросами, мучившими когда-то Гоголя и Достоевского, Толстого и Чехова.

Леонов еще юношей понял, что революция потому-то и окажет глубинное влияние на весь ход истории — не только нашей, а и всей Земли, — что ей предстояло дать новые, социально действенные ответы на искания самых правдолюбивых, самых бесстрашных гуманистов предшествующей эпохи. Берясь за карандаш пальцами, которым до того привычнее было нащупывать вороненую сталь курка, Леонов — вместе с Фединым, Тихоновым, Шолоховым, А. Толстым, Фадеевым — искал новое, жизненно необходимое со-

временным поколениям наполнение для нравственных, общечеловеческого значения истин, открытых великанами прошлого.

Горький, изумляясь своеобразию, яркой самобытностью леонovского таланта, недаром в то же время сравнивал автора «Барсуков» и «Вора» с «пчелой, собирающей свой мед с цветов, наиболее богатых медом». И неизменно рассматривал его остросовременное творчество еще и в общем потоке русской классической литературы. А Станиславский после ознакомления с первой же, еще по-юношески угловатой пьесой Леонova «Унтиловск», сказал, что вместе с автором этой пьесы в русскую литературу вошло «нечто леоновское», то есть некий элемент, до того не значившийся в «менделеевской таблице» нашего художественного опыта. Немудрено, что до конца, во всех своих закономерностях и сцеплениях, во всем богатстве и сложности философский, исторический подтекст леоновских книг открылся только в перспективе всего его творческого развития, в контексте нашего духовного опыта последних десятилетий. То, что его книгам присуща — пользуясь выражением Томаса Манна — «духовная отягощенность», что в них заключено неисчерпаемое богатство отзвучий не только на зовы, возникшие тогда, когда они создавались, но и на вопросы, которыми мы живем сейчас и, надо полагать, долго еще будем жить в будущем, стало понятным не сразу.

Как раз в этой внутренней многомерности и надо, думаю, искать объяснение всевозрастающей притягательности леоновского опыта для многих замечательных писателей послевоенного поколения. Назвав Леонova «мастером высочайшего ранга», Юрий Бондарев отнес его к тем художникам, на которых «держится и русская, и европейская культура». Михаил Алесеев, подчеркнув, что «работа с русским словом — дело в огромной степени патристическое», сделал отсюда абсолютно правильный вывод, что именно удивительное владение русским языком помогло «Леониду Леонову сотворить целый материк, плотно заселенный удивительными людьми — творцами всего сущего на планете».

В ряду этих суждений по-особому убедительной представляется характеристика Леонova как одного из немногих писателей, «кто, стоя на капитанском мостике современной художественной мысли, внушает доверие к нашей действительности и бесстрашие к грядущему», которую выдвинул в своем взволнованном «Слове о Леонове» казахский романист Абдижамил Нурпеисов. А вот утверждение узбекского литературоведа Лазиза Каюмова: «...Леонов — один из самобытнейших, своеобразных русских писателей XX века, расширивший арсенал эсте-

тических средств литературы, умело раскрывший новые возможности русского языка в искусстве, проложивший новаторские пути познания современно-го человека и общества».

Я привожу все эти цитаты потому, что считаю своевременным выдвинуть задачу: наладить систематическое изучение не только многообразных и глубоких связей Леонova с русской классикой, чем давно и предметно занимается критика, а обязательно еще и тех связей, какие соединяют его с исканиями многих наших современников-романистов и драматургов. Уверен, что эти связи откроются на многих направлениях современного литературного процесса: в философских романах Бондарева и Айтматова, в эпических картинах народной жизни, созданных и Нурпеисовым, и Проскуриным, в том обостренном интересе к духовной нашей истории, к сокровищнице национальной исторической памяти, какой характерен хотя бы для Чивилихина в его «Памяти» и для Солоухина в его «Владимирских проселках» — и публицистике. А сколько еще будет найдено других примеров!

Особо заметна эта традиция у писателей, ищущих образ современности не на путях тополиного бытописательства, а в сопряжении с коренной, непреходящей значения проблематикой нашей духовной культуры. А разве серьезность и основательность раздумий многих писателей и публицистов наших дней над тем, как надо строить взаимоотношения человека с природой, не были во многом предопределены уровнем, на какой были подняты эти проблемы в «Русском лесу», с которого, по сути, и начался путь советской литературы в глубины этих проблем?

У САМОГО Леонova в его размышлениях о великой русской литературе не раз возникает образ широкой и доброй горьковской ладони, через которую к писателям — зачинателям советской литературы — пришло тепло не только горьковского рукопожатия, а еще и тепло его великих современников и собеседников — Толстого и Чехова. И вот сейчас тепло леоновского рукопожатия ощущают писатели, которые под бурным небом наших 80-х годов несут в будущее эстафету всей русской литературы. Леонов никогда не забывал, кому суждено было наследовать и ему самому, и всему его писательскому поколению. Во многом именно поэтому та традиция в современном литературном процессе, которая осознается как леоновская, оказалась такой жизнеспособной и актуальной.

Евгений СУРКОВ.